

ПОПУГАЙ ГОША И ДРУГИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Я люблю наблюдать за птицами. Мы убеждены, что у зверей и птиц нет разума, есть только инстинкты. Но мне приходилось не раз видеть разумные действия птиц...

ГРАЧИ

I

Воронеж. Неподалеку от областной научной библиотеки имени И.С. Никитина открытое пространство, стоят скамейки. Между скамейками круглая узкая урна в виде бочки, отлитая из бетона. Она заполнена мусором на две трети. Чтобы грачам там порыться, нужно спрыгнуть вниз. Но тогда птица не будет видеть, что происходит вокруг урны. И вот что они придумали. Одна птица спрыгнула в урну, роется там, только хвост торчит наружу. А вторая сидит на краю урны и вертит во все стороны головой. Она сторожит. Порывшись в мусоре, птица вспрыгивает на край урны. Осматриваются вдвоем, потом начинают толкаться клювами, видимо, спорят,

кому лезть в урну, а кому сидеть на краю урны и сторожить. Победила первая птица, которая уже рылась в мусоре. Она прыгнула внутрь урны, время от времени мелькал ее хвост. А вторая птица сидела на краю урны и вертела головой. Белый снег вокруг лавочки, черные грачи. Красиво. Весна.

2

Грачей в городе много. На Кольцовской улице (на бульваре) увидел стаю грачей. Две птицы сидели на толстом суку старого дерева. Удивила сценка... Один грач широко открыл клюв. А другой (грач-врач) глубоко сунул ему в горло свой клюв и быстро вытащил и бросил на землю что-то белое. Было такое впечатление, что один грач подавился, может быть, костью, а второй помог ему вытащить кость из горла.

ВОРОНЫ

День был солнечный. Яркие блики отражались в окнах домов на противоположной стороне улицы. Снег на островерхих крышах ярко искрился. Прогромыхал трамвай с шапками снега на крышах вагонов. Снег лежал повсюду. Белый, слепящий глаза.

Прилетели две крикливые вороны. Сели на конек крыши дома, расположенного у самой остановки. Птицы одновременно каркнули а затем одна и другая легли на бок и покатались по склону заснеженной крыши, как мальчишки с горки на фанерках. Падая, вскрикнули громко, взвились вверх и снова опустились на конек крыши. Походили по нему и снова, как по команде, легли на бок и покатались по склону крыши, бороздя сложенными крыльями рыхлый снег.

«Попугай — очень красивая птица, у него нос поклапой или крючком, его учат говорить».

Это написал Лев Толстой, когда ему было 7 лет.

Мы, два студента Литературного института, знали о попугаях не больше, когда отправились в зоомагазин, чтобы купить красивую птицу. Попугай нам понадобился для вдохновения. Мы с Романом Харитоновым, моим земляком и другом, писали пьесу, где одним из персонажей была говорящая птица.

Жили мы в общежитии в комнате с большим окном и двумя встроенными шкапами в прихожей. Клетку повесили на раму окна и начали учить зеленого волнистого попугая человеческим словам.

Вторым действующим лицом в нашей пьесе был зеленый человек с рекламного щита, который висел на стене противоположного дома. Зеленый человек уговаривал прохожих копить деньги в сберегательной кассе, чтобы купить потом на них машину.

— Скажи: «Накопил и машину купил», — приставал к птице Роман. — Скажи: накопил и купил!

Роман произносил эту фразу с разными интонациями. Попугай прыгал с жердочки на жердочку и повторять рекламу сбербанка не хотел. Роман устал. Я его сменил у клетки:

— Скажи: «Ирина Ильгисонис», — просил я.

Так звали студентку, которая мне очень нравилась. Хотелось ее по-

разить». Входит она в комнату, а из клетки раздается: «Ирина Ильгисонис».

Я заглядывал сквозь прутья клетки в глаза птице и повторял:

— Ирина Ильгисонис! Ирина Ильгисонис!

Слова звучали красиво, в них была аллитерация, но попугай вытягивал шею, косился на меня одним глазом и повторять имя и фамилию студентки не хотел.

— Глупая птица, — сказал я.

Утром, часа в четыре, едва стало светать, попугай разбудил нас противными резкими криками. Роман накрылся с головой одеялом, чтобы не слышать. Я снял клетку с окна, поставил на стол и накрыл плащом, чтоб ночь продолжалась для птицы и для нас.

Попугай замолк, дал нам поспать. Потом мы стали прятать на ночь клетку с птицей во встроенный шкаф на среднюю полку. И он спал до тех пор, пока мы не открывали дверцу и не выносили его на свет. Имени нашему попугаю мы не придумали. Он не стал нам существом близким, не научился произносить человеческие слова.

Наступили каникулы. Уезжая из общежития, мы подарили птицу вместе с клеткой девочке из соседнего двора. Мы могли бы, конечно, выпустить попугая на свободу, но Москва — не Австралия.

Люди не зря во сне летают. Их интересует мир птиц. Некоторые приносят к себе домой крылатых друзей в клетках, наслаждаются их пением. Но мне всегда хотелось общаться с птицами на свободе, чтобы они садились на руку, клевали зернышки из ладони. Птицы в общении с человеком должны оставаться свободными. В каком-то документальном фильме я видел лохматого, как дерево, старика. Он протягивал в разные стороны руки, и синицы слетались к нему.

Попугаю доверяют человеку. В одном из научных пособий я прочитал, что некоторые крупные птицы так привыкают к человеку, что начинают считать его своим «попугаем», пытаются вступить с ним в брачные отношения. Причем, так нежно относятся к своим хозяевам, что при виде их начинают нести яйца.

Одну нежную парочку (человека и птицу) я как-то встретил в метро. На станции Библиотека им. Ленина у края платформы стояла худенькая грузинка. На плече у нее сидел большой попугай. Он смотрел неподвижно черными шариками глаз, его черные большие лапы занимали все плечо женщины.

Потянуло ветерком из туннеля. Поезд вырвался под своды станции, ветер почти сдул с плеча птицу. Но попугай только прислонился к лицу хозяйки и не сдвинулся, не попытался улететь, хотя ветром ему задирали крылья, сталкивало с плеча.

Я вошел в тот же вагон, что и женщина с попугаем:

— Он не попытался даже улететь, — сказал я.

— Зачем?

— Ну, его же сдувало ветром.

— Куда он денется от мамочки.

— Он что... такой послушный?

— Да, он у меня послушный, любимый. Вот подрастет немного, тогда, может быть, улетит, а пока он никуда не денется от мамочки.

— Он — какой породы?

— Королевский австралийский попугай.

Женщина ходила по Москве, ездила в метро, и птица, свободная, умеющая широко взмахнуть крыльями и улетать, сопровождала ее, сидя на плече. Не по принуждению, не в клетке. Кажется, что сейчас эта красивая грузинка в свободных одеждах с кольцами на руках, с птицей на плече, поднимется по эскалатору, выйдет из метро — и полетят они над Москвой, человек и птица. Так я фантазировал, поднимаясь за ними следом, и долго не терял в толпе эту легкую фигуру. Было приятно сознавать, что такая большая, красивая птица готова отказаться от неба ради дружбы с человеком.

БЕЛЫЙ ПТИЧИК

Есть в Москве улочка-тупичок недалеко от Серебряного бора. Дома стоят в окружении деревьев. Трудно выбрать место для парковки машины у подъезда. Приходится или влезать колесами на тротуар, или наезжать на кусты.

Мы с женой поселились в этом тупичке в пятиэтажном доме. Большая береза широко раскинула ветви над нашим балконом на третьем этаже.

Снег стаял, в стеклах посверкивала солнцем весна, но ветви деревьев были еще без листьев. Прилетели, словно брызнули из синего неба, воробьи, запрыгали на голых ветках березы, на перилах балкона, защебетали: — Смотри-ка, воробей-альбинос, — сказала моя жена Наташа.

— Где?

Я слишком резко подошел к окну. Воробьи прыснули от моей тени на соседнее дерево. На перилах балкона остался один, белый. У него был хвост гораздо длиннее воробьиного, голубые штанишки и подхвостье.

— Это не воробей, — сказал я.

— Попугай! Это попугай! — догадалась жена.

Она хотела открыть балконную дверь. Я ее остановил:

— Подожди! У нас есть пшено? Давай сюда!

Наташа принесла из кухни надорванный пакет с пшеном. Я осторожно приоткрыл дверь на балкон, быстро насыпал дорожку от порога балкона — в глубь комнаты.

Воробьи на соседнем дереве устроили возню, перелетали с ветки на ветку, громко кричали. Белый попугай прыгал по перилам балкона, повернувшись к ним хвостом. Вытягивая шею, он заглядывал в приоткрытую дверь.

Воробьи шумно снялись с соседнего дерева. Попугай от этого шума тоже вспорхнул, но устремился не за серой стайкой в сторону мусорных ящиков, а влетел в комнату.

К пшену он в первые минуты, даже не прикоснулся. В квартиру его заманила не еда, а тепло, которое вытекало на балкон из комнаты. Стояли холодные апрельские дни, а у нас все еще горячими были батареи центрального отопления. Потоки воздуха, нагретые батареями, завихрились под потолком, шевелили фигурки блестящих бумажных рыбок, привязанных на длинных ниточках к люстре.

В природе попугай живет стаями. Поэтому бело-голубой «волнистый попугайчик», улетев от хозяина и оказавшись на дереве в московском дворе, тут же пристал к воробьям. Он летал с ними с мусорного ящика на мусорный ящик, с дерева на дерево, с балкона на балкон. Пернатый житель далекой и теплой Австралии озяб, устал. Белые перья давно не чистил. Они были грязными, особенно хвост.

Несколько часов попугай сидел на спинке стула неподвижно. Я осторожно поставил на сиденье этого стула коробку из-под апельшинов. Сделал внутри жердочки, поставил баночку с водой. Наташа насыпала в крышку от стеклянной банки пшена, конопляного семени, на журнальный столик поставила тарелку с капустой, петрушкой, чтобы летал и кормился.

Перед вечером попугайчик слетел со спинки стула на край коробки. Покачиваясь, косил глазом, не решаясь спуститься внутрь коробки. Потом, наконец, спорхнул на жердочку, с нее прыгнул на дно коробки, где была еда.

Но потом опять сел на край коробки, не желая признавать картонную коробку своим домом. На ночь улетел на книжный шкаф и прятался там в самом темном углу. На третий день начал чистить перышки. Одно, самое грязное, выдернул из хвоста и оно, крутясь, упало на пол.

Было ясно: попугай улетел от хозяина. У него должно быть имя:

— Яша хороший, — вкрадчиво произносила Наташа. — Яша к нам прилетел. Яша! Яша!

— Может, его зовут Петя?

— Маленьких попугаев так не называют. Я где-то читала, что попугаи любят шипящие звуки, поэтому имена должны быть Яша, Петруша, Кеша. Смотри, услышал... Кеша хороший. Кеша к нам прилетел. Кеша! Кеша!

Попугай слетел со шкафа к ней на плечо. Наташа угадала имя. Он с явным удовольствием слушал ее, склонив головку на бок. Моя жена хотела погладить сидящую на плече птицу. Кеша вспорхнул и улетел на шкаф.

Вечером, когда зажгли свет, попугай склонил голову на бок, разглядывая свою тень на стене. Приблизившись к тени, касаясь ее клювом, начал мелодично петь, затем чирикнул по-воробьиному, заболботал, заболботал и вдруг крикнул скандальным голосом совершенно отчетливо:

— Ах ты, сволочь такая!

— Ты слышал, он сказал «сволочь такая»! — восхитилась Наташа.

Кеша вдруг захохотал старушечьим смехом. Стал скандально мотать головой и что-то неразборчиво кричал при этом. Мы подошли ближе, стали прислушиваться, пытаюсь разобрать отдельные слова. Попугай отвлекся при нашем приближении, перестал скандалить, заговорил ласково, нараспев:

— Гоша маленький, маленький мальчик. Гоша красивый. Что, Гоша? — И захохотал опять старушечьим смехом.

Имя «Кеша» звучало похоже, но звали его Гоша. Он начал повторять свое имя, чтобы у нас не оставалось никаких сомнений:

— Гоша пти-и-и-ичик, пти-и-и-ичик. Гоша хоро-о-о-о-шенький, хоро-о-о-о-шенький мальчик.

Он говорил не «птичка», а «пти-и-чик».

Мы с Наташей забросили свои дела, стали ходить за ним по квартире, чтобы услышать новые слова. Гоша принял игру, он стал от нас улетать. А когда нам надоело за ним ходить, начал сам за нами летать. Неожиданно пикировал откуда-нибудь сверху и пытался сесть на голову моей жене. Она инстинктивно отмахивалась.

— Ну, что ты его пугаешь? — сердился я.

Сел на плечо к Наташе, ущипнул за ухо. Тут зазвонил телефон. Наташа взяла трубку, Гоша сказал:

— Алло!

Я двинулся к себе в кабинет, решил немного поработать. Гоша догнал меня в дверях, сел на плечо. Я хотел опуститься в кресло, Гоша сказал:

— Подожди, закурю.

Весь день мы ходили за Гошей, а он летал за нами. Наташа занялась ужином. Попугай прилетел к ней на кухню, сел на плечо. Спросил:

— Ну, что?

Зашипела сковородка. Гоша из кухни прилетел ко мне в кабинет, сел на плечо. Сказал:

— Здравствуй, Гоша прилетел.

В этот день белый птичник рассказал нам всю свою жизнь. Во-первых, сообщил, что он не собака, не слон, а «птичник». Во-вторых, доложил, что он пернатая особь мужского рода — «мальчик». Назвал свое имя. Сомнений никаких не оставалось, «Гоша прилетел».

О его хозяйке мы тоже кое-что узнали. Попугай смеялся старушечьим смехом. Значит, это была пожилая, веселая женщина. Она курила, частенько отстраняла птицу, говоря: «Подожди, закурю».

Говорил Гоша много и очень быстро. Мы не все могли понять. По тому, как он скандально выкрикивал слова, возбуждался, начинал мотать головой, можно было предположить, что Гоша воспроизводил скандалы, в которых участвовала его хозяйка. В этот момент в его громких птичьих скороговорках, доводящих попугая до иступления, проскальзывали некоторые неприличные слова.

— Надо написать объявление и повесить в тупичке на столбах на заборах, — предложил я. — Он улетел от своей хозяйки, живущей где-то поблизости.

— Хозяйка у него, видать, еще та, — сказала Наташа. — Слышал, как Гоша ругается? Такая маленькая птичка научилась таким большим неприличным словам.

Мы несколько дней спорили, что делать с прилетевшим к нам попугаем. В конце концов, сочинили коротенькое объявление: «**У кого пропал белый попугай Гоша, звонить по телефону 191-53-27**». Наташа сама отпечатала эти слова на маленьких листочках, взяла пузырек с клеем и пошла на улицу — развешивать объявление.

Вернулась она довольно быстро:

— Что случилось? — спросил я.

— Я поговорила с соседями во дворе. Никто не слышал ничего о пропавшем попугае. Знаешь — что... у этой женщины пропал попугай, пусть она и пишет объявление. Увидим, что разыскивает, тогда и отдадим. А если хозяйка не объявится, Гоша останется у нас. Я к нему привыкла. К тому же я рассказала соседям, этого достаточно.

Несколько дней мы настороженно оглядывали заборы, столбы, стволы деревьев. Если где появлялся белый листочек, подходили, читали. На этих, изредка появляющихся листочках, сообщалось, что продается детская коляска, газовая плита, кузов автомобиля.

А белого птичника никто не искал.

ГОША И ВОРОБЬИ

Привезли с дачи клетку — тюрьму для Гоши.

Когда-то в этой клетке жили щеглы, две красноголовые, пестрые птицы. Их держал Митя, сын Наташи. Он уезжал в командировку в Чехословакию и попросил присмотреть за птицами. Мы каждое утро чистили клетку, меняли воду, следили, чтобы кормушка была полна.

В солнечные дни выносили клетку на веранду. Стремительные стай-

ки щеглов, пролетая над домом, звонко перекликались с нашими птицами. Щеглы в клетке начинали метаться, отвечали не по-домашнему, а призывно. Но стайки ни разу не опустились. Пронзительные отклики свободных птиц быстро таяли в небе.

На два дня мы отлучились в город. Закрыли, как обычно, ставни. Клетку с птицами оставили в полутемном, пустом доме. Баночка с водой была полна, в кормушку насыпали конопляного семени.

Вернулись на третий день под вечер, оба щегла валялись на дне клетки, задрав вверх тонкие, скрюченные лапки. Им не хватило еды и света. Но ведь нас не было всего два дня. Как же хрупка жизнь в маленьком тельце, прикрытом пестрыми перышками, возносимая крыльями к небу. Какая она звонкая, эта птичья жизнь, на свободе. И как же надо бережно относиться к птицам, если ты их посадил в клетку.

Перышки местами слежались, местами безжизненно поникли, как лепестки цветов. Мы с Наташей чувствовали себя ужасно. С тех пор в этой клетке больше никто не жил. Она валялась в кладовке, прутья слегка погнулись. И вот снова понадобилась.

Наташа весь вечер гонялась за Гошей по квартире. Поймала его в углу около тахты.

— Не надо этого делать, — сказал я.

— Я осторожно.

— Я слышу, как осторожно.

— Птица должна кричать и сопротивляться. В ней говорит птичий инстинкт.

Она повесила клетку с попугаем над окном. Гоша возмущенно отряхивался.

— Видишь, как ты его помяла.

— Он просто охорашивается.

— Оставь дверцу открытой.

— Он будет везде оставлять следы.

Все-таки часа через два она его выпустила. Гоша прилетел ко мне в кабинет. Стал важно расхаживать по столу, заинтересовался черными буквами, которые возникали на бумаге из-под моего пера. Попробовал их клюнуть, начал хватать клювом перо.

Уже поздно ночью Наташа снова посадила Гошу в клетку.

— Выпусти немедленно! — сказал я.

— Нет!

— Ну, тогда неси его отсюда.

— Куда нести?

— Не знаю, куда хочешь. В клетке он неинтересен.

Мы ссорились, а Гоша, склонив головку и, глядя одним глазом сквозь прутья клетки, внимательно слушал, должно быть, запоминал, чтобы потом воспроизвести, как он воспроизводил нам скандалы, в которых участвовала его прежняя хозяйка, весело хохочущая старуха.

Но ссорились мы напрасно. Для Гоши этот домик из железных проволочек был родным домом. Позднее я прочитал: волнистые попугаи в природе, в своей родной Австралии, имеют зелено-желтое оперение. А белых, голубых или наподобие Гоши (белый с голубыми штанишками) вывели в клетке.

Наташа оставила дверцу открытой, птичик сам стал заходить в клетку, оставался там ночевать. Теперь, если нужно было проветрить квартиру, мы просто закрывали дверцу. А потом снова открывали, и Гоша мог

вылететь, когда хотел. А если не хотел, оставался в клетке. Кормушка наполнена просом, овсом, в поилке всегда свежая вода. Птичник с удовольствием хозяйничал в своем проволочном домике. Во все стороны от клетки летела шелуха от овса и проса.

Наш зеленый тупичок — тихое место. Ветви березы тычутся прямо в окно, в открытую форточку. Сегодня под утро проснулся от ощущения, что дождь идет в квартире. Ветви близко от открытой форточки, капли дождя бьют по листьям, и получается, что дождь на улице, а звук дождя в квартире. Этот звук и разбудил меня.

Ветви березы, низко свисающие над балконом, где у нас хранилась всякая рухлядь, превратили это место в удобное царство для воробьев. С раннего утра, несмотря на дождь, они шныряли между коробками, засохшим фикусом в кадке, скакали по полкам сломанной этажерки, по старым покрышкам от «Жигулей», заглядывали с подоконника через стекло в комнату. Им хотелось освоить не только балкон, но и все пространство нашей квартиры.

— Может, они просятся в гости к Гоше? — сказал я.

Белый птичник прыгал по жердочкам в клетке. На ночь Наташа закрыла его, и еще не успела выпустить. Клетка висела над окном недалеко от форточки. Гоша смещался все время к тому краю, где на мокрых ветках, торчащих около форточки, прыгали воробьи.

— Он все-таки летал с ними. Пусть заходят поведать. — Наташа открыла балконную дверь и ушла на кухню.

Я сидел с книжкой на тахте, находящейся у противоположной стены. Воробьи продолжали хозяйничать на балконе. Некоторые спархивали вниз, на порожек, и тут же улетали. Я читал книжку и поглядывал на клетку и открытую балконную дверь. Было интересно — осмелятся они навестить белого волнистика, который летал с ними в стае от помойки к помойке?

Гоша видел через окно воробьев. Они прыгали с веток на перила, с этажерки на покрышки, и он оживленно прыгал по клетке, чирикал что-то по-воробьиному, внося отдельные «чик-чирики» в общий гомон.

Серенькие птицы по очереди слетали вниз, но перепрыгнуть порожек не решались. Открытая дверь пугала их. В стайке было много молодых воробьев, слетков. Их короткие хвосты и желтенькие клювы выделялись. Наконец, один желторотик прыгнул с порожка в комнату и начал подбирать с ковра выпавшие из клетки зернышки проса. За ним перепрыгнули порожек еще два слетка и два старых воробья с черными клювами.

Я сидел на тахте, стараясь не шевелиться. Гоша взволнованно спрыгнул на дно клетки, подбежал к дверце. Он воспроизводил чириканье воробьев, стараясь привлечь их внимание. Но, судя по всему, воробьи не понимали его. Они не обращали на белого птичника никакого внимания. Прыгали по комнате, обшаривали ковер под журнальным столиком, находили между ворсинками мелкие крошки хлеба и зернышки.

Наташа стукнула на кухне тарелкой. Серые птицы все разом вспорхнули и вылетели в дверь.

Мы с Наташей позавтракали, и она уехала в институт, где преподавала математику. В квартире стало тихо, воробьи снова слетелись на балкон.

Я решил упростить задачу. Снял клетку с окна, поставил ее на жур-

нальный столик. Затем рассыпал немного конопляного семени на ковре и на крышке стола вокруг клетки. На этот раз, едва я перестал ходить по комнате, на порожке одновременно появились желторотики и старые воробьи. Я затаился на тахте. Убедившись, что человек с книжкой не шевелится, они запрыгали по ковру, подбирая коноплю с пола. Два старых воробья с черными клювами вспорхнули на журнальный столик, стали подбирать зерна около клетки. Белым птичком не интересовались, слово его тут не было.

Гоша присмирел, сидел на жердочке молча, не пытался больше разговаривать на воробьином языке. Для этой серой стаи, с которой волнистый попугайчик летал несколько дней, он был чужой.

Все воробьи держались вблизи журнального столика. Они настороженно косились в мою сторону, сторожа малейшее движение. Один желторотик, не имеющий опыта общения с человеком, ничего не боялся. Он прыгал, быстро приближаясь к тахте. Увидел открытую дверь на кухню, запрыгал туда. Взлетел на стол, но, испугавшись собственной дерзости, ошалело выпорхнул оттуда, напугав остальных воробьев. И они все шумно вылетели через открытую дверь на балкон. Расселись на перилах и на ветках березы.

Я захлопнул балконную дверь и открыл дверцу клетки. Белый птичек вылетел, разминаясь, сделал круг по комнате, опустился ко мне на плечо:

— Ну, что? Ну, что? — спросил он.

— А то, — ответил я, — не нужен ты им. Это тебе, дружок, не Австралия. Ты белый и голубой, одним словом, красивый, а они серенькие. Не переживай.

— Кра-а-а-сивый, кра-а-а-сивый, маленький мальчик, кра-а-а-а-сивый, — запел мне на ухо попугай.

Я ходил с птицей на плече по квартире, слушал ее болтовню.

Удивительно: с воробьями Гоша пытался говорить по-воробьиному, а сел к человеку на плечо и тут же перешел на человеческую речь. Полиглот!

ГОША — ЧЛЕН СЕМЬИ

Постепенно установился порядок: на ночь Гоша забирался в клетку, а днем летал по квартире.

Иногда он был занят собой. Садился на крышу клетки, утыкался клювом в стекло и быстро-быстро что-то говорил, неразборчиво, но с разными интонациями, вдохновенно. Стекло резонировало, как бы отвечало ему. Волнистый попугайчик переходил на пение, начинал растягивать слова:

— Го-о-о-ша, Го-о-о-ша, умни-и-и-чка.

Точно также он обращался с зеркалом. Видимо, в стекле окна и в зеркале принимал свое отражение за другого попугая. Начинал с ним общаться. Но у меня сложилось впечатление, что желаннее всего для этой птицы было общение с человеком.

Утро. Гоша сидит на клетке, тычется клювом в стекло, которое резонирует при каждом звуке. Белый птичек выбалтывает подряд весь набор слов, в которых есть приятные для него шипящие звуки:

— Что такое? Что такое? Хо-ро-о-о-ший Гоша. Что, что, Гоша? Иди на плечо, хоро-о-о-ший, хо-о-о-о-роший!

Я давно встал, готовлю себе кофе на кухне. Наташа тоже проснулась, но, отвернувшись к стене, подремывает, слушая журчание негромкой птичьей песни, состоящей из неразборчивых человеческих слов. Вдруг все обрывается, слышится легкий стремительный шелест крыльев и на одеяло плюхается белый птичик.

— Здравствуй, Гоша прилетел!

Он повторяет это несколько раз громко и четко, словно понимает, что говорит. Наташа не отвечает. Гоша топает по одеялу, добирается до самой головы, щиплет за ухо: дескать, просыпайся, вставай, солнце давно взошло. И вообще, как можно спать лежа, укрывшись одеялом? Спать надо, сидя на жердочке.

— Ах ты, мой будильник, — говорит Наташа и начинается общение птицы с человеком.

В пять часов вечера моя жена расставляет тарелки на журнальном столике. Мы садимся обедать. Гоша бегаёт по крыше клетки, с которой ему хорошо виден двор, летающие между деревьями воробьи. Все-таки душа его волнуется при виде летающей на воле серой стайки птиц.

Наташа берет ложку, но не успевает ее донести до тарелки с супом, раздаётся звук крыльев «ф-р-р-р», и Гоша садится прямо на ложку.

— Ну, что такое? Что за безобразие! — возмущается Наташа.

Белый птичик спрыгивает на стол и начинает топтаться между тарелками. Он хватается клювом капусту, кусочки мяса. Он живет с людьми и готов есть все, что едят люди.

Мы его прогоняли, закрывали в клетке, когда садились обедать. Но едва мы о нем забывали, все повторялось...

Я сделал движение вилкой: «ф-р-р-р» и на зубьях сидит, вцепившись лапками в острое железо, белый птичик, смотрит одним глазом на меня, а другим — в тарелку.

— Что это такое? Ну, что это такое? — всерьез пугаюсь я. — Я же мог тебя проткнуть.

Пытаюсь его стряхнуть с вилки, а он сопротивляется, машет крыльями, но не улетает.

Животные и птицы, живущие с людьми, очень быстро очеловечиваются. И люди начинают прививать своим любимцам человеческие привычки, например, шьют безрукавки для собак, чтобы те не мерзли в холодную погоду.

Мы, в конце концов, поставили на журнальный столик еще один прибор: маленькую розеточку, в которую наливали для Гоши суп. А рядом в такую же розеточку клали кусочек хлеба. Обед превращался в цирковое представление. Белый птичик откусывал крошку хлеба, потом начинал есть суп. И снова откусывал хлеб и заедал его супом. Он делал все, как делают люди, сидящие с ним за одним столом. А мы уже не столько ели, сколько смотрели на волнистого попугайчика. Быть послушным, «хорошим мальчиком» ему быстро надоело. К тому же он должен был проверить: не вкуснее ли суп в наших тарелках?

Гоша начинал порхать по столу, садился на края больших тарелок, иногда соскальзывал с них, как с горки, прямо в борщ, и, всполошенно улетая, забрызгивал нас бульоном.

Отсутствовал он, как правило, недолго, тут же возвращался и норовил стянуть прямо с вилки мясо у меня или у Наташи.

Любил хозяйничать Гоша и на моем письменном столе. Он впархивал в кабинет, опускался на плечо или прямо на голову. Некоторое время следил, как я пишу, потом спрыгивал на стол. Его завораживали черные буквы, которые появлялись на чистом листе из-под пера. Он пытался склеивать их, а поскольку это ему не удавалось, хватал клювом кончик пера.

— Ну, чего ты тут расселся? — пытался я отпихнуть его.

Гоша начинал клевать пальцы, взбирался на ручку и, сидя на ней, принимался хохотать.

Он отвлекал меня от работы. Я играл с ним. На столе лежало толстое стекло. По нему хорошо катались карандаши и блестящие, сверкающие в лучах солнца, ручки. Я их катал, а Гоша ловил клювом или вскакивал лапками на скользкие катящиеся предметы. Не удержавшись, взмахивал крыльями, взлетал и снова опускался.

Наигравшись, птичичек улетел. Мне было слышно, как он в соседней комнате полдничает, шелуша зерно в клетке. Я принимался за прерванную работу, но не тут-то было. Гоша снова появлялся на моем столе. Высыпал передо мной из клюва целую горку очищенного, разноцветного проса. Сам поел и теперь угощал меня. Так угощают друг друга попугаи. Гоша угощал человека.

ГОВОРЯТ ЛИ ПОПУГАИ?

Гоша летал с воробьями, научился чирикать. Но когда он подзывал воробьев к своей клетке, они его не понимали. Он перенял звуки воробьиной песни, но, видимо, не мог передать чириканьем звук тревоги, звук той или иной команды, как это делали воробьи.

У людей Гоша перенял человеческую речь. Он воспроизводил слова и целые группы слов, как песню скандальную или ласковую. Мы вылавливали законченные фразы, но для попугая важнее была общая интонация, которую он всегда подчеркивал движением шеи и головы. Иногда, возбуждаясь, он так начинал мотать шеей и так слитно, неразборчиво произносил слова, что было видно сразу: птичичек не говорит, он поет.

Попугай механически воспроизводит чириканье, речь человека, всякие другие звуки. Но все же невозможно избавиться от ощущения, что он воспроизводит их эмоционально, а, значит, и осмысленно в какой-то мере. Вот случай...

За правильным питанием птицы следила Наташа. Между прутьев клетки всегда торчали ломтики яблока, сливы. Гоша клевал эти фрукты охотно. А сверху на клетку она часто ставила в розеточке нарезанную мелко капусту, натертую морковку. Она ставила их на крышу клетки, потому что Гоша тут часто сидел, смотрел в окно. Да и тесно было бы от толстой стеклянной посуды в клетке.

Выхожу как-то и вижу: Гоша пытается розеточку с морковкой спихнуть с клетки. Не знаю, то ли она мешала ему свободно передвигаться по прутьям вдоль окна, то ли не нравились ему полезные овощи: морковка и капуста. Он упирался клювом в край тяжелой стеклянной посуды и толкал ее, сердито выкрикивая:

— Ну, чего ты тут расселся?

Он сбросил розеточку с морковкой, посмотрел вниз и остался доволен. Издал восторженный звук. Победно пробежался по крыше клетки. Затем присосанился, сильно вытянул шею и начал мотать воинственно головой перед розеточкой с капустой.

Наташа не дала ему спихнуть вторую розеточку. Сама сняла.

— Стоишь и смотришь, — сказала она мне. — Он перебьет нам всю посуду.

Много раз Гоша прилетал ко мне на письменный стол, мешал писать. Я отодвигал его тыльной стороной ладони, говоря:

— Ну, чего ты тут расселся?

И он это повторил, но не механически, а осмысленно. Он спихивал розеточки с капустой и морковкой, которые «расселись» на его клетке, мешали ему. Попугай воспроизвел не только слова, но и всю ситуацию. Он сопровождал соответствующими словами соответствующие действия.

Как всякий человек, в доме которого появился говорящий попугай, я попытался научить его некоторым словам.

Позвонил мне как-то друг, театральный режиссер Глеб Дроздов, спрашивает:

— Пашнев, чем занимаешься?

— Разговариваю с попугаем.

— Научи его говорить «перестройка».

Это было популярное политическое слово. Жили-то мы в клетке, и перестраивать собирались клетку. Я подумал: вот была бы метафора. Придут гости, сядут за стол, а Гоша из клетки им:

— Перестройка!

Я начал учить птицу этому слову:

— Гоша, перестройка! Перестройка! — повторял я таким тоном, чтобы он сразу понял: это урок, слово надо запомнить.

Я приставал к попугаю долго, не один день. Я знал, какой он способный, как легко может повторить услышанное.

— Перестройка! Перестройка!

Но сколько я ни старался, белый птичик ни разу не повторил за мной модное слово.

У цирковой артистки Клавдии Немшиловой спросили:

— Сколько нужно времени, чтобы попугай выучил одно слово?

— Месяца два-три, — ответила она.

Я повторял свой урок изо дня в день, и по телевизору часто звучало: «перестройка, перестройка». Гоша не реагировал.

Во-первых, в этом слове не было шипящих звуков, которые так любят попугай, а во-вторых, я произносил его учительским тоном, не окрашивая интонацией. Звуки без чувств Гоше были неинтересны.

И в то же время отдельные слова запоминал сразу.

Наташа положили перед ним вареную картофелину:

— Ешь, Гошка-картошка!

Один раз сказала. Он тут же повторил рифмованные слова, стал часто их произносить. Садился на плечо к Наташе, пощипывал за ухо и доверительно сообщал:

— Гошка-картошка.

Белый птичик мог повторить и более длинную фразу, если улавливал в ней резко выраженное эмоциональное отношение.

Приехал к нам Глеб Дроздов, о котором я упоминал выше. Стоял на кухне, курил. Первой хозяйкой у Гоши была курящая женщина. Белый птичик прилетел на запах дыма, сел режиссеру на плечо.

Дроздов был в хорошем костюме, со значком депутата на лацкане. От нас он должен был ехать в Министерство культуры. Косясь на птицу, он

попытался стряхнуть Гошу движением плеча. Но тот не улетал. Запах дыма ему напоминал жизнь в другом доме, у хохочущей старухи.

— Он меня не обгадит? — спросил Дроздов.

— Нет, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

Гоша вел себя в квартире аккуратно. Он не ронял помет где попало. Сбоку клетки торчала длинная жердочка. Под ней была расстелена газета. Бывало не раз: он увлеченно постукивает носом в щеку Наташе, поет ей свои ласковые слова. Вдруг обрывает песню, улетает на жердочку. Какнет там и возвращается на плечо, продолжает прерванную песню.

— Пошел! — спихнул Дроздов рукой птицу с плеча.

Гоша улетел из кухни, но тут же вернулся, снова сел на плечо режиссеру. Запах сигареты его привлекал.

— Ну, что...что...что ты хочешь, трах-тарарах! — Дроздов длинно выругался.

Прошло несколько дней. Наташа стояла у плиты, двигала кастрюли, сковородки. Столкнула нечаянно вилку в паутину за плитой. Полезла, чтобы достать. Гоша сидел у нее на плече. Ему было неудобно на перекошенной фигуре хозяйки. Он должен был бежать с плеча на спину, чтобы не упасть. И белый птичик неожиданно завопил голосом Дроздова:

— Ну, что...что...что ты хочешь, трах-тарарах!

Повторил все коленца длинного ругательства.

— Ой! — сказала Наташа. Села на табурет и повторила: — Ой, что он сказал?!

Впоследствии мы заметили: из отдельно звучащих слов Гоша иногда складывал свои простые фразы. Он отдельно начал произносить имя:

— Наташа!

В его репертуаре с момента появления у нас были слова:

— Гоша — хороший мальчик.

И вдруг он сел на плечо и проскрипел на ухо хозяйке:

— Наташа — хороший.

Получилась фраза, которую никто из нас никогда не произносил, и заучить ее в готовом виде он не мог.

У Гоши была особая манера ласкаться. Он садился к Наташе на плечо и начинал ее постукивать клювом по щеке. Иногда из клюва при этом сыпалось очищенное просо. Он ее угощал. А в паузах произносил журчащим, скрипучим голосом:

— Наташа — хо-ро-о-о-ший. Хо-ро-о-о-о-шенький птичик, умничка. Ах ты, моя лапочка!

Он произносил слова, которыми его награждала хозяйка. И одновременно с ними создавал свои фразы, собирая из известных ему, может быть, не по смыслу, а по заключенной в них ласковой интонации слов, новые сочетания:

— Наташа хо-о-о-о-рошенький! Наташа — ла-а-а-почка!

ГРУША

Новый год мы встречали втроем: Наташа, я и Гоша.

На елке сверкали стеклянные шары, струились ленты серебряного дождя. Но белого птичика блестящие украшения не интересовали. Он выбрал малозаметную старую игрушку, сделанную из ваты. Это была имитация знаменитой мичуринской груши — Бере Зимняя.

С давних пор эта игрушка хранилась в коробке с елочными украшениями. Ее купили еще родители Наташи, когда были молодыми. За долгие годы груша обмякла, блестики с нее осыпались, кое-где сквозь желтую корочку пробивались клочки белой ваты.

Мы повесили грушу не на видном месте, а поближе к стене. Но Гоша нашел и стал летать к ней. Сядет на ветку рядом и ласкается: постукивает клювом, вдохновенно бормочет что-то непонятное, какие-то неразборчивые человеческие слова.

По-видимому, желтая груша напоминала Гоше формой и мягкостью птицу из попугайского племени. И он за ней ухаживал.

Теперь, чтобы загнать его в клетку на ночь, не приходилось тратить много времени. Достаточно было повесить грушу в клетку, и он был тут как тут. Прыгал по жердочкам, раскачивал клювом и лапками висящую грушу, пел ей песни, вдохновенно понижая и повышая голос.

Елку после Нового года мы разобрали, игрушки сложили в коробку и спрятали на антресоли. А грушу оставили для Гоши. К весне он истрепал ее так, что во все стороны торчали клочья ваты.

Иногда он нежничал с нею в клетке. Иногда мы клали грушу на пол. Он слетал к ней, начинал ходить кругами, смешно вытягивая шею и раскачиваясь. Совершал попугайский брачный танец. Постепенно он суживал круги и вдруг остервенело начинал катать грушу, топтал ее.

Мы смотрели с некоторой неловкостью на эти его забавы.

— Надо ему купить подругу, — сказала Наташа.

На базаре стояли пирамиды клеток со щеглами, чижами, канарейками, свистелями и волнистыми попугайчиками. Птицы прыгали, пели, кричали. От разноцветных попугайчиков рябило в глазах.

— Мне желтого попугайчика, — сказала Наташа, — девочку.

Продавец предложил нам несколько желтых подружек для Гоши на выбор.

— Эту! Она самая спокойная, — сказала Наташа.

Купили мы и клетку: не в руках же нести живую птицу.

В машине попугай-девочка вела себя спокойно. Когда вошли в дом, и она увидела белого красавца в голубых штанах и голубым подхвостьем, заволновалась, стала метаться с жердочки на жердочку. Жених не сразу ее увидел. Он был занят, раскачивал в клетке ватную грушу.

— Ну-ка хватит безобразничать, — сказала Наташа.

Она забрала у него игрушку, совершенно растрепанную, и посадила в клетку к белому птичку желтую попугай-девочку. Мы радовались, как дети, наблюдая за встречей.

— Принимай подружку, — сказал я. — Марш Мендельсона!

Но играть свадебный марш было рано. Невеста, распушив перышки, приблизилась к Гоше. А он, воинственно выгнув шею, неожиданно клюнул ее и стал летать за ней по всей клетке, спихивая с жердочек, прогоняя.

Мы составили на журнальном столике клетки дверцами друг к другу, и желтая живая Груша тут же ушла в свою клетку, забилась обиженно в угол.

Ватную грушу мы выбросили на помойку, но белый птичник оказался однолюбом. Он летал по квартире, разыскивая ее. Пешком ходил под столы, под стулья, куда иногда закатывалась груша. Ее нигде не было.

Живая Груша не стала подругой волнистому попугаю. Он сидел на

клетке, грустно водил клювом по стеклу окна, что-то бормотал. Если Груша садилась рядом, тут же улетал в другой конец комнаты или даже в прихожую, в кабинет, на кухню.

В конце апреля Груша-невеста улетела. Отодрала в форточке уголок защитной сетки и — была такова.

— Теперь она где-то летает с воробьями, — сказала Наташа.

Я отправился ее искать. Долго ходил по тупичку, по дворам между мусорными ящиками. На ветках. На железных баках сутились крикливые воробьи. Среди них было много слетков с желтыми носами, но желтой птички я не увидел.

Мы расклеили объявление в тупичке, там был наш телефон.

И в тот же день позвонили. Груша-невеста улетела недалеко. Три дня она моталась по дворам в стае воробьев. Соседка из дома напротив, медсестра детской поликлиники, выносила мусорное ведро и увидела желтого попугая около мусорных ящиков. Попыталась тихонечко подойти, но Груша улетела.

А тут она возвращалась из магазина. У подъезда на нижней ветке рябины увидела уже знакомую желтую птицу. Та сидела, нахохлившись, обессиленная, голодная. Медсестра протянула руку и взяла с ветки Грушу-невесту. Птица даже не вырывалась, только ворохнулась в неплотно сжатой руке и успокоилась.

Дома у этой женщины жил зеленый волнистый попугай Кеша. Он повредил крыло и не мог летать. Только прыгал с жердочки на жердочку. Появление Груши-невесты встретил радостно, запрыгал вокруг нее, запел. Несколько раз даже попытался взлететь, но одно крыло не раскрывалось до конца и Кеша, бедный, заваливался на бок. Но тут же он выпрямлялся, мотал шеей, продолжал петь, касаясь клювом клюва Груши-невесты.

— Видите, успели подружиться, — сказала медсестра.

Мы принесли беглянку домой.

— Гоша, невеста вернулась, — сказал я.

Посадили ее к нему в клетку. И в первую минуту показалось, что сейчас они начнут тереться клювами, как это делали Кеша-инвалид и Груша-невеста. Белый птичик подобрался к ней боком по жердочке и клюнул, чтобы столкнуть желтую птицу. Захлопали крылья, полетели перья. Груша-невеста суматошно вылетела из клетки.

Через неделю Наташа встретила медсестру в магазине.

— Ну, как поживают ваши попугаи? — спросила соседка.

— Никак. Не принимает ее жених. Живут как чужие. А ваш Кеша как?

— Вы знаете, тоскует. Я даже не представляла, что птица может так тосковать. Сидит, прячет голову под крыло.

— Так, может, не будем мешать птичьему счастью? — пошутила Наташа. — Может, заберете у нас невесту?

— Ой, что вы, — смутилась медсестра, — я не для того рассказывала.

В тот же вечер мы отнесли Грушу-невесту к соседке. Как был рад инвалид Кеша! Он прыгал, издавал воинственные попугайские крики. Набирал в кормушке полный клюв проса и пытался кормить подругу из клюва. Зерно сыпалось ей на шею, на пол клетки.

Мы вернулись домой с пустой клеткой. Я показал ее Гоше:

— Знаешь, что велела тебе передать Груша-невеста? Живи один.

Но белый птичник не чувствовал потери. Он тут же сел на плечо к Наташе, стал тыкаться клювом ей в щеку, сыпал просо на платье. Он угощал человека.

КАНАРЕЙКА

Говорливые воробьи шныряли в листве дерева, прыгали по перилам балкона. В солнечные дни за окном стоял птичий гомон. Так и тянуло подойти к окну, постоять, любуясь веселым днем, шустрым семейством сереньких птиц.

И снова вместе с воробьями прилетела к нам птица яркая:

— О! Смотри! Груша-невеста вернулась, — сказала Наташа. — Нет, кажется, это другая птица.

Желтенькая пушистая птица с коротким хвостом прыгала по перилам. Это была канарейка.

Наташа открыла балконную дверь, воробьи шумно улетели, а канарейка осталась.

— Подожди, чего ты хочешь? — спросил я у Наташи.

— Поймать ее.

— Отойди, она сама залетит.

После умелого заманивания Гоши, мы считали себя опытными птицеловами. Наташа насыпала на порог проса.

— Ну, что? — спросил я.

— Не идет.

— Подожди, надо клетку поставить. Ну-ка, Гоша, уступи на время клетку.

Белый птичник, вытряхнутый из клетки, улетел на шкаф. Он недовольно что-то бормотал там. Я поставил клетку на стул и осторожно выдвинул это сооружение на балкон. Канарейка тотчас же влетела в птичий домик, принялась лущить семя в кормушке. Я захлопнул клетку:

— Голодная.

— Она от соседей улетела, — сказала Наташа. — У них канарейка живет. — Моя жена перегнулась через перила балкона: — Маша! Катя!

Снизу откликнулись:

— Что, Наталья Валериевна?

— У вас канарейка не улетела?

— Улетела.

— Она у нас.

— Спасибо. Муж придет, заберет.

Муж долго не шел. Мы успели пообедать, поужинать.

— Слушай, по-моему, они ее выпустили, а мы с тобой поймали, — сказал я.

— Нет, она обрадовалась, сказала: «Муж придет...», — возразила мне Наташа.

— Что же он не идет?

Мы взяли клетку с канарейкой и пошли сами к соседям. Дверь открыла молодая растрепанная хозяйка. За ее спиной стояла дочь Катя. Вид у женщины был виноватый. В коридор выглянул муж Вася. Он был в трусах и в майке, нетрезво икал.

— Сейчас мы ее достанем, — сказал он.

— Вася утром менял воду, а клетку оставил открытой, — объяснила женщина.

Канарейка вылезать не хотела, забилась в угол. Муж дотянулся рукой, на которой была выколот синий якорь и слово «Вася», крепко схватил птицу. Канарейка вся исчезла в его ладони. Когда он разжал руку, я ожидал увидеть смятую птицу. Но канарейка была жива, здорова, запрыгала по жердочкам в своей клетке.

Мы вернулись к себе в квартиру очень довольные собой. На наш балкон села канарейка, и мы ее поймали.

— Представляешь, он утром менял воду. Она целый день летала с воробьями. Наш балкон очень удобно расположен, все птицы прилетают к нам.

— Просто она никуда не хотела улетать от окна, за которым была видна клетка. Может, она весь день просидела на этом дереве.

Похоже, что Наташа была права. Многие птицы, лишённые свободы, не хотят и не могут жить на свободе.

На другой день я пошел в киоск за мороженым. На обратном пути встретил Васю — трезвого, но мрачного. Он нес клетку с канарейкой. Рядом с ними шли грустные, жена и дочь Катя.

— Переезжает птичка? — спросил я, улыбаясь, испытывая родственное чувство и к птичке и ко всему семейству.

— Все! — махнул рукой Вася. — На базар.

И я понял: канарейка не просто оказалась на улице. Они ее выпустили.

Бедная птичка полетала с воробьями до обеда, а потом захотела есть. А еда в клетке. Вот она и сидела на дереве, и на перилах балкона, ожидая, когда ее поймают и накормят.

Вася предполагал: если он опять выпустит птицу, мы опять ее поймем. Требовалось отнести подальше, на базар.

Впрочем, и Вася вскоре исчез из нашего дома.

Его прогнали.

Он не любил птиц, и Маша и Катя не захотели с ним жить.

БЕЛЫЙ ПТИЧИК ПЕРЕЕЗЖАЕТ НА ДАЧУ

В зоопарках, в частных домах я видел много птиц, способных воспроизводить человеческую речь. Но такого звукоподражателя, как Гоша, больше не встречал.

Я сижу за письменным столом, ерошу волосы на голове, подыскивая фразу. Этот жест помогает мне сосредоточиться. Вдруг слышу в соседней комнате железные кольца по натянутой металлической струне:

— Вжжик!

Кто-то задернул штору на окне.

Выбегаю из кабинета — никого. Гоша сидит на клетке, смотрит на меня, наклонив голову. На всякий случай проверяю прихожую, кухню. Убеждаюсь: я дома один.

Пожав плечами, иду к себе в кабинет, сажусь за письменный стол. И снова слышу металлический звук, производимый трением колец о струну: — Вжжик!

Выглядываю осторожно, и теперь вижу и слышу: Гоша развлекается, «задергивает штору».

Мою пишущую машинку со множеством рычажков-лапок, которые быстро двигались, ударяя по бумаге, волнистый попугайчик воспринимал как живое существо.

На звук машинки он прилетал немедленно. Садился рядом, весь вы-

тягивался, изгибался шеей, чтобы лучше видеть летающие вверх-вниз рычачки-лапки. Обычно головка у него была гладкая, но тут перья вставали хохолком. Высшая степень возбуждения.

Каретка машинки, продвигаясь при каждом ударе, начинала толкать его в грудь. Он отскакивал, забегал с другой стороны, но строчка кончалась, я был вынужден передвигать каретку. Гоша упирался грудью, не пускал. Однако, механизм был сильнее. Белый птичик отступал, махая крыльями, клевал железку, издавал возмущенные попугайские крики.

Он мог часами сражаться с машинкой. Если я не открывал ее несколько дней, прилетал в кабинет, садился на футляр, ходил по нему. Не дождавшись, когда пишущая машинка вылезет из-под своего панциря, улетал к себе, садился на крышу клетки и «начинал печатать»: воспроизводил удары клавиш попеременно с жужжаньем каретки. Он пел эту механическую песню именно в том ритме, в каком я печатал текст. Мой друг Роман Харитонов однажды послушал и сказал:

— Пашнев, с этим номером ты можешь выступать в цирке.

В конце мая мы перебрались за город. Наташа загрузила автомобиль сумками. На переднее сиденье, рядом с собой, поставила клетку с попугаем. Чтобы Гоша не пугался во время движения, не начал биться о прутья клетки, накрыла его своей старой черной юбкой.

Был солнечный день. Неожиданно для белого птичика наступила ночь. Но тишина не наступила. Гоша слышал звук мотора, чувствовал движение автомобиля. Из-под юбки раздался крик:

— Это что такое?! Это что такое?!

Наташа откинула с одного конца юбку. Белый птичик сразу успокоился. Он переместился на жердочку к тому краю, откуда падал свет, глядел сквозь прутья клетки вверх, где проносилось в окне небо.

— Что, Гоша, не страшно тебе? — спросила Наташа.

— Ах, какой красивый маленький мальчик, кра-си-вый, — пропел в ответ волнистый попугайчик.

Всю остальную часть дороги он вел себя спокойно.

Наш старый дачный дом перестроили, оштукатурили изнутри. Цемент еще не затвердел. От стен пахло сыростью. Позднее мы собирались наклеить на стены веселенькие обои, а пока комнаты были неудобными, серыми.

Мы выпустили Гошу из клетки. Попугай сделал небольшой круг под потолком и сел к Наташе на плечо. Видимо, серый дом ему не понравился, он не уходил с плеча. Вместе с хозяйкой перемещался по лестнице, ведущей на второй этаж, путешествовал по комнатам и коридорам. Тыкался клювом в щеку, что-то журчал или сидел тихо.

Наташа перестала ощущать его на плече. Услышав звук машины, подъехавшей к воротам, торопливо вышла на открытую веранду на втором этаже. Из-за разросшихся вдоль дорожки деревьев плохо была видна калитка. Наташа перегнулась через перила, чтобы между ветками сосен и берез увидеть, кто приехал. Гоша был вынужден бежать с плеча на спину, как он всегда делал, когда хозяйка наклонялась.

— Ну, что...что...что ты хочешь, трах-тарарах?! — прокрипел он голосом Глеба Дроздова.

Только тут Наташа поняла, что вышла на открытую веранду с птицей на плече. Она осторожно выпрямилась, чтобы Гоша снова мог взобраться на плечо. Моя жена видела, что по дорожке между деревьями идет Роман Харитонов с дочкой и внучкой, но не помахала им, как обычно

рукой, ничего не крикнула. Тихонько, стараясь не спугнуть белого птички, попятилась в открытую дверь, быстро захлопнула ее за собой.

— Ах ты, хитрец! Притаился? Хочешь улететь?

— Гоша мальчик хорошенький, кусачий, кусачий, — ответил волнистый попугайчик.

Было удивительно, как он не почувствовал лесного воздуха, свободной стихии, окружающей открытую веранду со всех сторон. Мог бы подхватиться вместе с порывом ветра, вместе с шумом деревьев и улететь.

Утром следующего дня мы проснулись, увидели серые стены. Было скучно на них глядеть. Солнце сквозь листву деревьев пробивалось редкими бликами. Гоша сидел в клетке, спрятав голову под крыло. Сумрак стен создавал ощущение, что ночь не кончилась.

— Рано приехали, — сказал я. — Давай вернемся на пару дней в город. Стены подсохнут, с мастером договоримся, чтобы приехал клеить обои.

— Опять Гошку везти? Ты думаешь хорошо птице дышать бензином, — возразила жена.

— Зачем? Гошка побудет здесь. Мы оставим ему много, много еды. Всю банку.

Перед вечером белый птичек зашел в клетку. Мы перенесли его в нижнюю комнату с камином, повесили птичий домик на оконную раму. Комната просторная, волнистый попугайчик сможет здесь летать, когда захочет. Насыпали ему в кормушку проса, поставили большую баночку с водой. Открытую банку с просом поставили на подоконник. Если в кормушке кончится еда, пусть ест прямо из банки. Все это мы делали, помня печальный опыт, когда оставленные на даче птицы погибли. Мы не говорили об этом, но помнили красноголовых щеглов, лежащих со скрученными ножками на дне клетки.

— Главное, что Гоша может летать по комнате, — сказал я.

Мы открыли дверцу клетки и уехали. Гоша остался один в пустом доме.

ХОРОШЕНЬКИЙ

Прошло два дня. На третий день солнечным ясным утром мы появились в своем загородном доме. Гоша был жив-здоров, сидел в клетке.

— Ну, слава Богу! — сказала Наташа. Она подошла к попугаю: — Здравствуй, Наташа приехала.

Белый птичек повернулся к ней хвостом. Мы стояли у клетки. Он даже не посмотрел на нас.

— Слушай, а чего он в клетке сидит? — удивился я. — Мы же оставили дверцу открытой.

— Обиделся, — сказала Наташа.

— Птицы не могут обижаться.

— Как видишь, могут. Гоша! — Она постучала по клетке. — Гоша! Не хочет с нами разговаривать самый разговорчивый на свете попугай.

Мы привыкли к тому, что он без нас скучает. Едва мы появлялись, вылетал в прихожую встречать. Садился на плечо, начинал болботать. А тут смотрит в окно, как будто нас нет.

— Ладно, хватит показывать свой характер, — сказал я.

Мы занялись делами по дому, уверенные, что Гоша вылезет из клетки, прилетит на плечо ко мне или к Наташе.

Часа через два спохватились. Гоша сидел в клетке и не выражал никакого желания общаться с нами.

— Может, он заболел? — забеспокоилась Наташа.

Я постучал пальцем по прутьям:

— Эй, клетка открыта. Чего не выходишь?

— Он два дня провел среди этих мрачных сырых стен. Может, у него крылья отсырели? Надо его вынести на солнышко.

Она захлопнула дверцу клетки. Мы вышли с Гошей на маленький балкончик, расположенный с другой стороны дома. Здесь у меня стоял однотумбовый письменный стол, кресло. Большую часть балкончика занимал пружинный матрас на коротких ножках, застланный пледом. Могучие сосны подступали вплотную к балкончику. Я называл это место в доме «Мой зеленый кабинет». На матрасе я отдыхал, за письменным столом работал.

День был ясный. Синее небо слепило глаза. Высокие сосны упирались макушками в солнце.

— Давай откроем клетку? — предложила Наташа.

— А не улетит?

— Куда он улетит? Тут кругом деревья. Полетает вокруг дома и сядет на балкон. Да я уже выходила с ним на веранду. Не улетел.

Мы так очеловечили птицу, что были убеждены: не улетит.

Наташа открыла дверцу. Гоша запрыгал по жердочкам, спорхнул на дно клетки. Вспрыгнул на порожек. Хвост остался в клетке, голову высунул наружу, огляделся.

Мы стояли с Наташей в разных местах на балконе. Я у двери в дом, она у стола рядом с клеткой. Гоша стрельнул ко мне. Я уже подставил ему плечо, но белый птичик круто развернулся и полетел к Наташе. Он уже завис над ней, собираясь сесть на плечо, но вместо этого круто взмыл вверх, мелькнул белыми крыльями в синем небе. На какое-то время, ослепленный солнцем, я потерял его из вида. Потом увидел, как он опустился на ветку сосны метрах в двадцати от дома.

— Гоша! Гоша! — закричала Наташа и побежала вниз по лестнице. Я остался на балконе, чтобы не терять его из вида.

Белый птичик, оказавшись на дереве под открытым небом, восторженно приветствовал свою свободу человеческими словами. Хорошо было слышно в тишине солнечного дня:

— Кра-си-вый. Ах, ты мой хоро-о-о-о-шенький пти-и-ичик. Лапч-и-и-к. Умничка! Кусачий!

Наташа была уже внизу:

— Где он?

— Вон, вон, — показывал я ей с балкона рукой. — На кривой сосне.

— Вижу, вижу! — она побежала к сосне. — Гоша! Гошенька. Маленький мальчик. Лети сюда. Неси клетку! — крикнула она мне.

Но «маленький мальчик» снялся с ветки, взмыл вверх и опустился на макушку высокой сосны. Выше было только небо. Мы бежали к дереву и очень быстро потеряли его, белого, в слепящих лучах солнца. Но мы еще слышали его голос. Беглец продолжал выкрикивать восторженно:

— Хоро-о-о-о-шенький! Хоро-о-о-о-шенький!

В одном из своих лесных рассказов Михаил Пришвин описывает маленькую птичку, которая села на вершину ели и начала славить зарю. Маленький клюв птички раскрывался, но песня не достигала земли. А мы

затерявшегося в небе белого птичка все время слышали. Было непонятно, почему он от нас улетает. Гоша был свободен, но продолжал оставаться в плену человеческих слов:

— Кра-си-вый! Хоро-о-о-ошенький!

Мы перелезли через забор на соседний участок. Я бежал, держа впереди себя клетку, надеясь, что Гоша увидит птичий домик и вернется. А он перелетал с вершины на вершину, все дальше удалялся от нас. И каждый раз, оказавшись на макушке высокой сосны, совсем близко к солнцу и ветру, выкрикивал:

— Хоро-о-о-ошенький! Хоро-о-о-ошенький!

Голос птицы доносился все отдаленнее и, наконец, растаял в небе. Мы стояли, прислушиваясь... Но ничего, кроме ветра, слегка шатающего вершины сосен, не слышали.

Мы побывали на многих участках, нас облаяли все собаки, которые были в поселке. Никто из дачников нашего попугая не видел.

— Понимаете, он не улетел, — уверяла соседей Наташа. — Он домашний. Он обязательно прилетит к дому. К нам он тоже так прилетел. Захочет есть — прилетит.

Мы напечатали объявление: **«Улетел маленький белый попугайчик в голубых штанишках и с голубым подхвостьем...»**

Только напечатав эти слова, мы поняли, какая у нас была красивая птица.

Ленточки объявлений мы расклеили в поселке в тот же вечер. Но никто не пришел по указанному адресу, никто не позвонил по телефону в Москве. Гоша улетел навсегда.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Через неделю мне приснился сон. Глеб Дроздов стряхнул с плеча волнистого попугайчика:

— Ну, что... что... ты хочешь, трах-тарарах! — сердито сказал он.

Гоша захлопал крыльями и влетел Глебу Дроздову прямо в рот. Да так глубоко, что торчит только кончик хвоста. Я ухватился двумя пальцами за хвост и вытащил попугая. А Гоша уже неживой. Я поднес его клювом к блюду с водой. Он клюнул и ожил. А затем полетел.

Пожилая женщина из кассы Малого театра узнала случайно, что у нас улетел попугай. Она сказала:

— А ко мне прилетел. Может, ваш?

— Какого цвета?

— Ну, такой, голубой вроде. Хотите, я его вам отдам?

Эта женщина подкармливала у себя на балконе воробьев крошками хлеба. И однажды вместе с серенькими птицами прилетел попугай. Она его заманила в комнату. Теперь он жил в квартире. Клетку она ему не купила, попугай летал со шкафа на шкаф.

Наташа записала адрес. Я ее отговаривал:

— Наш — белый.

— Немножко голубой: подхвостье и штанишки.

Она привезла совершенно голубого попугая. Он чирикал, как воробей и пел, как канарейка. Должно быть, его первый хозяин разводил одновременно канареек и волнистых попугайчиков. Клетки стояли рядом, вот голубой птичек и перенял песню, которую слышал.

Мы не успели придумать ему имя. Он очень быстро улетел через открытую дверь балкона.

После этого Наташа поехала на птичий базар и привезла белого попугая. Он был похож на Гошу. Через некоторое время стал общаться, садился на плечо, щипал ухо. Но говорить не умел.

Этот белый птичик тоже улетел, отодрав уголок защитной сетки в том месте, где его уже отдирали Груша.

Больше мы не делали попыток купить попугая

Иногда я вижу: мелькнет в кустах голубая или зеленая птица. Мальчишки бегут за ней, пытаются поймать. Удивительно, как много попугаев летают во дворах больших городов. Их можно увидеть на помойках, на кустах у подъездов, в скверах и парках. Попугаи любят людей, но свобода их манит. Зимой они живут в квартирах, учатся говорить слова. Наш Гоша перенял даже одно слово из телевизора. Он жил у нас во время перестройки. Мы с утра до вечера не выключали телевизор, смотрели съезд народных депутатов, где люди обращались друг к другу со словами «товарищи депутаты». И Гоша, возбудившись от телевизора, выкрикнул однажды:

— Таррр-ри-щи!..

Но приходит весна, и попугаи норовят улизнуть на улицу, где много солнца и ветра.

Если от вас улетел любимый говорящий попугай, не переживайте слишком сильно. В первый же холодный день он найдет себе новых хозяев, которые откроют перед ним дверь или окно, пустят в квартиру, накормят, напоят, научат новым словам.

Без людей городские попугаи жить не могут.

ГДЕ У ПРИРОДЫ ДУША?

ДЕРЕВО

Пришлось мне как-то остановиться в Харьковском кемпинге. Нам с женой достался домик на две двери. На веранде крышу подпирает странно кривой столб. Только утром следующего дня я увидел, что это не столб, а дерево. Одноэтажный домик был расположен на узенькой поляне в окружении высоких кленов. Но один клен надо было спилить, чтобы построить веранду. Строители решили дерево сохранить. Построили крышу веранды со специальным отверстием, чтобы клен как рос, так и продолжал расти. И стал клен колонной, который разделил внизу веранду на две части, а над крышей возвышался, как мачта. Пол веранды забетонировали, но вокруг дерева оставили квадрат земли, окружили решеткой, чтоб не топтать. Сквозь решетку поливали дерево. Получилось что-то вроде площадки.

Домик был рассчитан на двух хозяев. Из одной двери выходили люди, прикасались к дереву, облокачивались на него. Из другой двери выходили люди, хлопали ладонями по стволу, терлись затылками, обнимали. И дерево в объятиях человека засохло. Остальное довершил короед. Теперь только кривизна столба и высокая сухая макушка над крышей напоминали, что перед нами дерево, растущее из земли.

Природа погибает в объятиях человека. Любить — это иногда отстраняться и любить издалека.

БЕРЕЗА

Природа простит нам едва ли
Невинную нашу угрозу.
С березы кору ободрали.
Есть ветви, нет рук у березы.

Не может быть сильной и меткой.
Не кровь — сок в березовой жиле.
Не может шарахнуть нас веткой,

Чтоб в рощу дорогу забыли.
Не поздно спросить и не рано;
Вопрос возникает невольно.
На дереве рваная рана.
Но дереву, может, не больно?

ДВЕ БЕРЕЗЫ

Финские ученые решили выяснить: спят ли ночью деревья? Первые же наблюдения показали: ночью деревья опускают ветви, так сказать, дремлют.

Сотрудники геопространственного исследовательского института установили лазеры, которые измеряли движение двух белых берез. Одна росла в Финляндии, другая — в Австрии. Измерения проводили безветренными ночами в сентябре, с сумерек до рассвета.

Лазерные сканеры подсвечивали разные части берез на долю секунды. Это дало возможность рассчитать движение деревьев в каждый момент времени.

Ветви и листья деревьев ночью опускались. Они достигали самой нижней точки за несколько часов до восхода солнца, а затем начинали подниматься в предрассветные часы. Разница была небольшой — 10 сантиметров для дерева высотой около 5 метров.

Похоже, это доказывает, что деревья спят ночью, во всяком случае, отдыхают. Итак, деревья опускают ветви ночью, а днем поднимают, деревья дышат; и боюсь, чувствуют боль, когда мы сдираем с них кору.

ЯБЛОКО

Я помыл яблоки. На каждом была маленькая этикетка, крепко приклеенная. Я срезал этикетки и положил яблоки в вазу. Как водится, все яблоки съели, а одно долго лежало. И я увидел, что место среза затянулось пленкой и как бы даже попыталось стянуть кожицу яблока с краев к середине, как это происходит, когда поранишь коленку. Яблоко было живое.

МОЛЧАТЬ КАК РЫБА

(Устарело)

Владивосток. Город на берегу океана. Дома на холмах, гостиница на горе. Я был в этом городе. Выходил на конфискованной японской шхуне в океан, точнее, в залив Петра Великого, ловить удочкой рыбу. Со мной была моя жена Наташа. Мы вернулись после рыбалки в гостиницу на горе, где снимали уютный номер с видом на бухту Золотой рог. У нас был хо-

лодильник, телевизор. Я лежал на диване, а по телевизору Дальневосточной киностудии документальных фильмов показывали фильм «Океан». Я смотрел его, как человек, который только что был в океане, брал в руки выловленную рыбу — камбалу, красноперку, бугристого морского черта. Крупную и сильную красноперку надо было крепко держать, чтоб не вырвалась. Я сжимал ее, вынимая крючок, она пищала.

На экране мелькали корабли, сети, выловленная рыба. И все это сопровождалось какофонией звуков, неприятно напрягающих слух. Какой-то пронзительный скрип, тонкий, невыносимый свист. Какая-то паника звуков. Такой музыкой сопровождают опасные космические сюжеты. Я уже хотел выключить телевизор и вдруг понял: это вовсе не музыка, а голоса рыб. И не просто голоса, а рыба паника, паника живой природы, которую вылавливают сетями, чтобы съесть.

Авторы подложили записанные голоса рыб, музыкально их обработав. А мне слышались они без музыкальной обработки: кричащие, орущие маленькими, широко разинутыми ртами.

Конечно, рыбу надо ловить и делать из нее консервы, но надо при этом помнить в какой смертельной панике находится вылавливаемая, убиваемая, вырубаемая живая природа. Голоса деревьев еще не научились записывать. Они немые. Запишите голоса двадцати тонн рыбы, которую ежедневно перерабатывает плавучий завод, и вы убежите от этого звука, вы почувствуете всю боль тех, кто, по нашему представлению, не испытывает боли. Вы услышите, в какой панике находятся леса и реки. Вы увидите, люди, свою близкую гибель, если не научитесь тратить свой разум не только на уничтожение, но и на сохранение живой природы.

АНДРЕ ЖИД: ЦИТАТА ИЗ ДНЕВНИКА

23 апреля 1931 г.

Я знаю, что натуралисты отвергают обычно наблюдения над домашними животными. Тем не менее, мне кажется, что часто мы могли бы получить от этих наблюдений весьма полезный урок. Прирученные нами домашние животные ближе нам, чем дикие. А ведь нас тоже сформировало приручение...

АЛЕКСАНДР ШИРВИНДТ: ЦИТАТА ИЗ МЕМУАРНОЙ КНИГИ АКТЕРА И РЫБАКА

Всю жизнь я считал, что рыбы не входят в число населения, осмысливающего свое существование, и поэтому цеплял их крючками. И вдруг в прошлом году на Валдае, неожиданно и вожделенно зацепив 500-граммового подлещика и вытащив его на помост свой пристани, я кровожадно выковырял крючок из его недр, посмотрел ему в якобы бессмысленные глаза, и он (клянусь) посмотрел на меня осмысленно-вразумительно. Как быть дальше? Кого ловить?

РЫБА В КАЗИНО

В Калифорнии есть казино Redhok (Красный ястреб). Я там часто бывал. Запомнилось оно большим аквариумом перед входом в игровой Vip-зал. В этом аквариуме плавала большая плоская рыбина. Я к ней всегда подходил и некоторое время рассматривал. Она тоже останавливалась

напротив того места, где я стоял, и смотрела пристально одним глазом. Мне даже казалось: она меня узнает. Я понимал: это невозможно. Но недавно прочитал в интернете: «Группа исследователей из Оксфордского университета Квисленда в Брисбене обнаружила, что рыбы способны различать человеческие лица...»

ВОРОНА И МЕДВЕДЬ

Телевизионная картинка позволяет нам лучше узнать и понять наших братьев меньших...

Показали зоопарк, бетонный бассейн. В него непонятно каким образом упала ворона и трепыхается в воде: не тонет и улететь не может. По краю бассейна к этому месту подошел бурый медведь. Зачерпнул когтистой лапой ворону и перенес из воды на берег. Она отряхнулась и быстро-быстро засемила от медведя, видимо, на мокрых крыльях не смогла сразу улететь. Что же произошло? Медведь понял, что ворона тонет и ее надо спасти. И он спас птицу не для того, чтобы съесть, а чтобы жила и летала. Только и всего.

ВТОРАЯ ЧЕРЕПАХА

Смотрел «Новости» по телевидению. В конце программы показали черепаху. Спускаясь с крутой горки, она перевернулась и лежала на спине. У черепахи панцирь защищает и живот, но перевернуться и самостоятельно стать на ноги она не могла.

Неожиданно появилась вторая черепаха. Она подползла, поддела головой панцирь первой черепахи и перевернула ее, поставила на ноги. Несчастная черепаха снова могла двигаться в любом направлении.

Мы привыкли к тому, что животные, особенно те, что ползают у нас под ногами, не мыслят. Но для того чтобы помочь черепахе, оказавшейся в бедственном положении, нужна была мысль и практическое осуществление этой мысли. А мысль была простая: надо помочь такой же, как я, черепахе стать на ноги и спрятаться под защитой панциря.

ОЙ, СМОТРИТЕ, ОЛЕНИ...

Ночью в горах Калифорнии выпал снег. По обе стороны дороги лежали сугробы. На автобусе компании «Санмо» мы ехали в казино в Тахо и Рино — 57 игроков-туристов.

Белая дорога и высокие заснеженные сосны на горных склонах делали светлыми ранние сумерки. Крупные хлопья снега медленно падали на дорогу, кружась в свете фар. До перевала оставалось совсем немного. И тут из белой пелены, не пробиваемой дальним светом, вынырнула машина дорожной полиции. Горбатый «форд» с кузовом, в котором был установлен подъемный кран, посигналил фарами и загородил дорогу. Автобус остановился. Наш шофер, китаец Мей, надел куртку с капюшоном и вышел из автобуса на дорогу. Из «форда» вышла женщина в оранжевой безрукавке, надетой поверх зимней одежды. Они коротко поговорили. Как мы потом узнали, водителю было велено свернуть с трассы и на специально оборудованной лесной поляне надеть цепи на колеса. Выяснилось: цепей у нас нет, и придется вызывать техпомощь.

Мы свернули с трассы и по узкой боковой дороге въехали в лес. На

автомобильной поляне уже стояли несколько трейлеров и автобусов. Около них суетились люди.

На улице шел мокрый снег. А в автобусе было тепло и сухо. Работал телевизор, звучала музыка. Вдруг кто-то сказал:

— Ой, смотрите, олени!

Автомобильная поляна по краю была обнесена деревенским забором. Невысокие столбы соединяли кривые, неошкуренные сляги. Одна вверху, другая внизу. За этим забором на взгорке, под навесом, была устроена кормушка. Из-за деревьев к открытой со всех сторон кормушке вышли два больших оленя и два ушастых олененка. Один, должно быть, двухлеток, а второй совсем маленький на тонких ножках, прыгающий по лесу с прошлого лета. Навес над кормушкой держал на себе пышный белый сугроб снега. А внизу под ним чернела земля, в корытах и около корыт лежали корни, топорщился раздерганный стожок сена.

Снег засыпал в горах пастбища, и олени пришли покормиться под навесом. Но, увидев автомобили на поляне, услышав музыку, которая доносилась из автобусов, остановились. Молодые олени медленно двинулись не к кормушке, а к загородке. Они явно слышали музыку, уши их были направлены в нашу сторону и подрагивали.

Двухлеток приблизился к самой загородке. Там лежал камень-соловец. Он начал его лизать. Но лизал не очень старательно, поднимал голову, вытягивал шею и своими большими ушами улавливал музыку, которая вырывалась на поляну из открытых дверей нашего автобуса. В салоне работали несколько телевизоров. Сменялись картинки на экране, в окнах автобуса мелькал голубой свет.

Маленький олень на своих тонких ножках двинулся вдоль ограды к пролomu в заборе. Нижняя сляга одним концом лежала на снегу, верхней не было. На мгновение он остановился, затем осторожно переступил обеими ногами через слягу. Ему хотелось подойти ближе к музыке, к людям, которые суетились у автобуса.

Тут мать-олениха в несколько прыжков настигла его. Она поддала передней ногой маленькому оленю под зад, и он резво скакнул от нее вверх по склону. Там, недалеко от кормушки, застыл в неподвижной позе матерый олень с ветвистыми рогами. Едва маленький поравнялся с ним, папашка тоже наподдал ему передней ногой под зад. Маленький скакнул выше по склону. Прибежал и двухлеток. И все семейство, не поев корней и не пощипав сена, двинулось к лесу. А маленький, прыгая уже между деревьями, все оглядывался и подрагивал ушами. Ему не хотелось уходить далеко от музыки, от автобуса, в окнах которого мелькал голубой свет. Это было так интересно.

У нас много вопросов к зверям и птицам, с которыми мы не можем поговорить. Им тоже хочется познакомиться с нами поближе.

КОРОВЫ

В дневниках 1910 года Софья Андреевна, жена великого Льва Толстого, делится своими огорчениями. Выбегала она из дома, обиженная мужем, а тут гонят стадо коров. И Софья Андреевна, жаждающая сочувствия, пишет: «Смотрела в глаза коровам: одна природа, без души».

Может быть, это свойственно коровам: смотреть на людей без сочувствия. Но сколько раз, когда мы смотрели в глаза животным, которых не едят, видели в напряженном или внимательном взгляде и ум, и душу.

Карел Чапек написал, каким образом у животных появляется осмысленный взгляд:

«Когда животное бьет, глаза его приобретают человеческое выражение. Сколько же должен был выстрадать человек, прежде чем стал человеком».

ПАМЯТНИК

Счастливые люди живут в согласии с природой, где в шуме камыша слышна звонкая и жалостливая камышинка, из которой сделали дудочку. Таким музыкантом с дудочкой был Митрофан Пятницкий — собиратель русских народных песен. Изучая его биографию для киносценария «Певучая Россия», я прочитал в одной из книг, что завещал Митрофан Ефимович памятник: «Среди кустов камыша, осоки стоит пастух и играет на жалейке...»

На Новодевичьем кладбище я долго ходил между могилами...

К большому (из черного мрамора) кресту подвязана веточка калины красной — Василий Шукшин.

На могиле Александра Твардовского — простой валун, привезенный, вероятно, из-под Смоленска.

Еще один камень, оплавленный под метеорит — Михаил Булгаков. Под этим же камнем могила его жены — Елены Сергеевны. Мастер и Маргарита покоятся под одним камнем. Я знал эту удивительную жену мастера, бывал в ее доме. Она любила красивые вещи. Ей было уже около семидесяти; принимая гостей, она просила кого-нибудь достать из шкафчика золотое баккара и с удовольствием смотрела, как гости разливают вино в бокалы и поднимают их, держа за длинную тонкую ножку. Меня тоже она попросила однажды достать золотое баккара из шкафчика.

Твардовского я иногда видел на улице, когда учился в Литературном институте. Мы шли после лекций, чтобы сесть около церкви (где венчался Александр Пушкин) на третий троллейбус и ехать в общежитие. Редакция «Нового мира» был неподалеку и Твардовский, встречаясь с нами, весело поглядывал на молодое поколение писателей. Некоторых студентов он знал лично. Они печатались в «Новом мире».

Василий Шукшин приезжал к нам в общежитие на Руставели. За ним потом присылали из киностудии машину, на которой было написано «Кино съемочная». Они все еще совсем недавно ходили по улицам. И вот — крест, валун, метеорит.

Я долго ходил по аллеям кладбища и, наконец, нашел могилу Митрофана Ефимовича Пятницкого. Стела из черного мрамора, фотография на камне человека с остренькой бородкой, очень интеллигентного, даже утонченного. Родные и наследники из хорового общества не выполнили последней воли певца и организатора первого русского народного хора крестьян. И памятник есть, и фотография, а образ остался незавершенным, в отличие от Твардовского под смоленским камнем, Булгакова под метеоритом, Шукшина под крестом с веточкой калины красной.

КЛАДБИЩЕ

И на кладбище, на цветах скорби, пчелы собирают мед.